

Игорь Божко

Судебное дело

Петрович (бывший школьный учитель биологии) жил со своей женой в обычной пятиэтажке, в однокомнатной квартире, в которой он и жена его были законно прописаны. Но год назад жена умерла. Петрович с полгода погоревал, а потом, постепенно смирясь с судьбой, стал доживать свой пенсионный век в скудном кефирном одиночестве. Жил тихо, почитывал местную «вечерку», играл в домино с дворовыми обывателями, пока откуда не возьмись появился какой-то родственник покойной жены и заявил, что по закону он имеет право на причитающуюся ему долю наследства, то есть на часть жилплощади. Петрович от такой неожиданной наглости оторопел и возмутился. Чертовщина какая-то! Он здесь прописан, живет в этой квартире более сорока лет и ни с кем делиться своей комнатой не намерен. Что значит – по закону он должен отдать часть жилплощади какому-то прощелыге, которого вообще впервые видит в своей жизни? Но родственник покойной жены заявил, что он очень хорошо знает теперешние законы и отступать от своей доли наследства не будет. Принялся объяснять старику, что его квартиру можно полюбовно разменять на две коммуналки, что он, мол, как раз и подыскивает такие адреса, и если Петрович не пойдет по этому разумному пути, то он подаст на него в суд и дело выиграет.

– И тогда вы, папаша, будете локти кусать, но будет поздно!

Петрович не верил ушам своим. Даже слегка приболел от этой дурацкой неожиданности. Но потом соседи по двору посоветовали ему обратиться к нотариусу. Потому что иди знай, что там эти новые законники насочиняли. Чего доброго, красномордый мо-

лодчик еще и вправду выдворит старика из собственной квартиры, а потом ходи доказывай, кто тут прав, а кто виноват.

– Вы, уважаемый, живете еще по старым советским законам, – заявил нотариус, выслушав рассказ незадачливого пенсионера. – А законы у нас постоянно меняются. Это еще в СССР можно было вот так просто без всякой волокиты прожить на освободившихся метрах. А сейчас мой вам совет: поскольку у вас нет на руках дарственной на часть жилплощади от вашей покойной супруги (а она перед смертью обязана была оформить на вас дарственную), то вам следует, пока не поздно, подать на вашу покойную супругу в суд и востребовать от нее данный документ. Вот так вот.

Петрович от удивления открыл рот и застыл, переваривая услышанное от нотариуса.

– Как это подать на покойную в суд? – шепотом спросил он.

Будто бы не слыша вопроса, нотариус продолжил:

– Когда у вас будет на руках дарственная, то вы сможете прожить на обеих частях жилплощади совершенно спокойно.

– На каких это обеих? – Петровича даже затрясло от неожиданной казуистики. – У нас всегда с женой вся наша территория была общей! И кухня, и туалет с ванной, и балкон, и коридор в придачу! Мы никогда не делили, что это, мол, твоя половина, а это моя!

– Все верно. Но это пока ваша супруга была жива, и вы были связаны супружеским долгом. А сейчас получается так, что вы проживаете на территории вашей покойной супруги и на своей собственной одновременно, – терпеливо пояснил нотариус.

– Бред какой-то! И при чем здесь супружеский долг? – пенсионер начал думать, что нотариус просто сумасшедший.

Но тот, не меняя тона своего голоса, продолжал пояснять дальше.

– А супружеский долг при том, что раньше, при жизни вашей покойной супруги, вы могли его исполнять, когда вам вздумается и где вздумается, а сейчас в силу различных метафизических вещественных положений с покойной вашей супругой вы уже не можете исполнять свой супружеский долг! Хотя с этим вы согласны?! – нотариус также стал слегка нервничать и слегка повысил голос. – Ну, хорошо! Это, так сказать, вопрос второй степени.

Сейчас вам нужно пройти обычную судебную процедуру как можно раньше, пока лицо, претендующее на наследство, не подало на вас в суд. Тогда уже будет поздно.

– Я в страшном сне никогда не предполагал, что буду на мою покойную жену подавать в суд! – сквозь набегающие слезы изрек Петрович, встал и направился к двери.

– Я еще раз объясняю, что нужно добиться от нее согласия на дарственную вам своей части жилплощади! Иначе пойдете жить в коммуналку где-нибудь у черта на куличках. Я просто из сострадания к вам пытаюсь втолковать, как надо действовать. А вы, уважаемый, ведете себя, как утюг, извините меня за такое сравнение, и еще, по-видимому, считаете меня сумасшедшим. Не так ли?

Петрович остановился, достал широкий носовой платок и утер глаза. Потом высморкался туда же, шумно, без всякого стеснения.

– Да как же она даст мне эту дурацкую дарственную, если она уже год как лежит в могиле и чисто физически не сможет даже пальцем пошевелить? Как вы этого не можете понять?!

– Это уже не ваша забота, каким методом она даст вам дарственную, – невозмутимо ответил нотариус. – Вот вам адрес хорошего адвоката. Он возьмет с вас недорого, и я думаю, что все станет на свои места. Идите и действуйте.

Нотариус встал, подошел к поникшему посетителю, положил ему руку на плечо, по-отечески слегка похлопал и вручил визитку хорошего адвоката.

Петрович думал, что его дело начнется громким «Встать, суд идет!» – но вместо этого после долгого ожидания в обшарпанном коридоре районного суда среди многочисленных сидящих и стоящих с какими-то папками в руках истцов и ответчиков наконец-то появился его адвокат и повел пенсионера в самый конец коридора. Открыл своим ключом зашарпанную дверь, сказал: «Входите и ждите. И присмотрите тут за мебелью, чтобы никто не брал ничего», – пропустил Петровича в помещение и оставил его там. Комната оказалась какой-то захламленной подсобкой, половину которой занимали сломанные столы и стулья. Пристроившись на вроде бы стойком стуле, пенсионер присел, положила руки на колени, и стал думать про нелепость своего положения. «Дожил

старый дурак. На покойную в суд. Ни черта я не понимаю в этих новых временах. В этих дурацких законах. Прости ты меня, дорогая Валентина». Где-то возле окна в паутину попала, судя по звуку, большая базарная муха, и однообразное ее жужжанье клонило в сон. Истец мыслями ушел в диалог с покойной. Вспомнился отпуск на Рижском взморье...

– Встать, суд идет! – крикнул прямо над ухом Петровича чей-то хамовитый голос. Петрович вскочил, но вблизи никого не было. Муха все так же рвалась на свободу, но звук ее уже был не тот. Не было уже того напора в борьбе за свою жизнь. «Уснул. Никогда раньше не спал днем, а тут на тебе».

В следующий раз Петрович очнулся, когда дверь растворилась, и в комнату вошло несколько человек. Они молча стали рассаживаться по скрипучим стульям за не менее скрипучими столами. Адвокат истца, шурша какими-то бумагами, пристроился со своим подопечным рядом.

– Ну вот, все участники процесса присутствуют, – произнесла молодая хорошо уже беременная женщина, по-видимому, секретарь суда. – Истец имеется в наличии, а ответчица находится здесь же в виртуально-метафизическом положении, которую, как всегда для облегчения общения, представляет всем нам известная Нина Федоровна.

Женщина, похожая на уборщицу, оказалась тоже беременной, привстала со своего места и с поклоном сказала:

– С праздничком всех вас.

«С каким это еще праздничком?» – недоумевая, подумал Петрович.

Судьей оказалась дородная в пышном теле дама с бородавкой на правой щеке, из которой росли длинные завивающиеся волосы.

– Слушается дело об истребовании дарственной на жилплощадь от ныне покойной супруги истца Судейкиной Валентины Петровны истцу Судейкину Валентину Петровичу, – ровной монотонной скороговоркой зачитала судья и вдруг остановилась. – Подождите, я что-то не пойму, кто из них находится в виртуально-метафизическом положении? – недовольно подняв брови, она строго глянула на Валентина Петровича.

– Покойная – это Судейкина Валентина Петровна, – пояснил адвокат истца.

– А где она сейчас?

– В могиле, ваша честь. На каком кладбище лежит ответчица? – обратился адвокат к истцу.

– На Северном кладбище, в самом конце от лесопосадки, – перепуганно разъяснил Петрович.

Судья пристально посмотрела в глаза истцу и тихо, но почему-то довольно зло произнесла:

– Здесь шуточки шутить не надо! Это вам не в бане с голыми девицами шуточки шутить!

Петрович вскочил, хотел было что-то произнести, но из его рта вышел какой-то мышинный писк, а из носа потекла вода. В помещении возникла долгая и плотная тишина.

– Ваша честь, – тихо вмешался адвокат, – я прошу прощения, но то, о чем вы говорите, – это из параллельного процесса. Там Судьин, а это Судейкин. Я еще раз извиняюсь.

– А так это уже Судейкин у нас пошел? – судья даже слегка улыбнулась.

– Садитесь, – позволила она Петровичу. – Что это вы вскочили? Резвый вы наш. Судьин, Судовский, Судяйкин, теперь вот Судейкин – сам черт ногу ломает.

Петрович сел, но в голове у него образовался какой-то шум, состоящий из отдельных слов судьи, адвоката и еще каких-то других голосов. Он даже перестал понимать, где он находится. И почему он здесь. Адвокат стал что-то говорить, а бедный пенсионер никак не мог вникнуть в речь своего защитника.

За эти несколько досудебных дней Петровичу уже и самому было интересно, каким это образом покойная выдаст ему дарственную. Перед этим адвокат убедительно заверил, что дело это плевое: «Никуда она не денется. Выдаст дарственную как миленькая».

– ...вот здесь у нас имеются фотографии супруги из семейного альбома, ваша честь. А вот здесь она на верблюде у пирамиды Хеопса. А это супруги на Рижском взморье, – пояснял детали семейной жизни Петровича служитель Фемиды.

У Петровича в животе что-то заворчалось и вдруг довольно громко стало разговаривать междометиями:

– Ой! Ах! Ой!

– Перестаньте паясничать, – строго сказала судья.

– ...так вот я думаю, что истец имеет все права на получение данного документа, – закончил свою речь адвокат.

Но тут заговорил до того молчавший чернявый человек в очках с толстыми стеклами для очень близоруких глаз.

– Я не согласен со своим уважаемым коллегой. Во-первых, нарисованная им счастливая семейная идиллия не была уж столь безоблачной. Я думаю, что факт супружеской измены уважаемым истцом Судейкиным Валентином Петровичем к уважаемой Судейкиной Валентине Петровне, ныне покойной, установлен всецело и неоспоримо.

Чернявенький показал на беременную Нину Федоровну. Та скорбно подняла брови вверх, а потом с неопределенной ухмылкой склонила голову набок.

Петрович хотел было возразить судье, что беременная женщина не является его покойной супругой, и привстал, но опытный адвокат осадил его.

Петрович снова потерял нить всего происходящего, и только отдельные фрагменты предложений долетали до его сознания: супружеский долг, измена, действия эротического характера, беременность и детородность истца.

– ...ваша честь! Мой коллега специально задает провокационные вопросы, совершенно не имея никаких доказательств. Истец уже давно в силу своих физических возможностей не может, извините за выражение, забрюхатить даже кошку.

– Да вы только посмотрите на его, так сказать, общий вид! Мог ли такой измочаленный жизнью человек посягнуть на телесные достоинства кого-то другого, кроме как на достоинства своей покойной супруги, которую он любил всем сердцем, всей душой романтика, который никогда не помышлял о пошлых эротических связях? У меня все, ваша честь!

– Да он и сейчас о сексе думает! – изрек чернявенький препротивнейшим голосом.

Петрович с лютой ненавистью посмотрел в его сторону. Ему до зуда в ладонях захотелось подойти к тому и вклеить пощечину.

– А кто это такой?! – неожиданно взвизгнул он каким-то клоунским фальцетом.

– Сядьте! Это адвокат вашей покойной супруги! – пояснил Петровичу его адвокат.

– Вы помните, какой размер груди был у вашей супруги? – тихо спросил адвокат супруги.

– Подождите с размером, – вмешалась судья. – Скажите пожалуйста руку на сердце, – ласково обратилась она к истцу. – Вы изменяли своей супруге? Хотя бы раз в жизни?

Петрович вспомнил один сорокалетней давности романчик и даже вначале растерялся, и хотел было признаться в безобидной интрижке, но рот его сам уверенно произнес:

– То, что было в Крыму, не было изменой! А к этой вашей Нине Федоровне я не имею никакого отношения! Кто ее забрюхатил, спрашивайте у него! – и разгневанный истец гневно показал пальцем на чернявого.

Судья ласково, но строго посмотрела в глаза Петровича и произнесла:

– Подлец.

В комнате стало тихо.

– Ладно, будем завершать, – вздохнув, сказала судья и обратилась к защитнику: – Учитывая мнение покойной, суд вынес положительное решение. Можете взять дарственную.

Тут она вышла из-за стола, слегка расставив ноги. Адвокат истца шустро подскочил к ней, стал на одно колено, сунул руку под юбку, вернее, под судейскую мантию и стал производить своей ладонью странные непристойные (как показалось бедному пенсионеру) движения внизу судейского тела.

– Во благо всех присутствующих, – тонким голосом произнесла секретарь, глядя в потолок комнаты.

Через минуту-полторы непонятных действий адвокат вытащил из-под судейской мантии лист бумаги, на котором вверху крупными буквами было написано: «Дарственная».

– Передайте секретарю, пусть поставит печать и зарегистрирует документ, – сказала судья. – Все, дело закрыто.

Судья хлопнула по столу ладонью и все потянулись к выходу.

Когда все вышли, адвокат истца закрыл дверь на ключ. Положил руку на плечо пенсионера и сказал:

– Ну вот. А вы боялись. Я же говорил, что ваша супруга даст вам этот документ без всяких там осложнений.

– Идемте со мной, – обратилась секретарь к находящемуся в прострации пенсионеру.

В небольшом кабинете она поставила печать и зарегистрировала бумагу.

– Даже не сомневайтесь, – заверила Петровича секретарь. – Дарственная ваша подлинная, так что идите и ничего не бойтесь.

Петрович спрятал бумагу в карман, но не уходил, а стал как-то странно топтаться на одном месте, а потом все-таки решился и тихо спросил:

– Скажите, а как эта моя, то есть доверенность моей покойной жены, появилась у судьи ну из-под там... из под мантии?

– А откуда ей, по-вашему, надо было появиться? – вопросом на вопрос ответила секретарь. – Откуда дети рождаются, оттуда и доверенность появилась. А что вас не устраивает? – секретарь вдруг рассердилась. – Идите уже, гражданин Судейкин. Без вас тут голова кругом идет. Хотя постоит... прежде чем уйти – улыбнитесь, пожалуйста, – попросила секретарь. – Мне в моем положении надо, чтоб чаще улыбались, – она положила руки на свой живот и посмотрела на Петровича с добротой и нежностью.

Пенсионер помимо своей воли изобразил на лице что-то похожее на прокисший салат оливье и тут же издал через носовую ноздрию малинового тембра звук ля, по которому можно было взять и настраивать скрипку.

